

Т. Б. Косыгина И ВСЕ НАЧНЕТСЯ СНАЧАЛА

В статье рассказывается о писателях Корякского округа, освещаются основные этапы развития национальной литературы, ее особенности. Автор рассказывает о первых произведениях младописьменной литературы, о связи корякской литературы с фольклором и традиционной культурой одного из коренных народов Камчатки.

Ключевые слова: Корякский округ, национальная литература, фольклор, писательская организация, Кецай Кеккетын.

T. B. Kosygina AND EVERYTHING WILL START FROM THE BEGINNING

This article is devoted to writers of Koryak region, and main stages of national literature development and its features. The author tells us about first examples of literature, about it's connection with folklore and traditional culture of one of the Kamchatka's native people.

Keywords: Koryak region, national literature, folklore, writer's organization, Ketsai Kekketyn.

«Все мы вышли из гоголевской шинели» – эта фраза, приписываемая Федору Михайловичу Достоевскому, символизирует духовно-эстетические искания, присущие русской литературе на протяжении нескольких веков. С полным правом и мы, жители севера Камчатки, можем сказать: «Все мы вышли из кецаевского “Эвныто-пастуха”, заложившего основы и традиции корякской литературы».

Феномен национальных литератур коренных малочисленных народов Севера, в том числе и корякской, обусловлен немислимо короткими по меркам общечеловеческой истории сроками появления и расцвета, их тесной связью с фольклорными истоками и, конечно же, сохранением первозданной среды обитания, тех природных условий и традиционной деятельности, которые и сформировали характер и мировоззрение писателей-северян. Приезжайте к нам в Корякию, взгляните на наши сопки и горные хребты, на наши полноводные реки, в которые до сих пор заходит лосось, пройдите по тундре, зимой укрытой бриллиантовым палантинном снегов, а летом щедро рассыпающей драгоценные камни ягод в зелени сочной травы. Пройдите по ней тропами оленного человека, веками идущего вслед за стадом, послушайте сказки старой мамушки, и вы поймете, откуда взялись строки повестей и стихов наших земляков, стремящихся рассказать миру о жизни своего маленького народа.

Большое количество исследователей – лингвистов, этнографов, историков, социологов, к сегодняшнему дню создали огромный массив научных изысканий, объясняющих истоки, принципы формирования, лексику и основные

формы национальной литературы коряков. Я не буду углубляться в литературоведение. Сегодня, в преддверии юбилея писательской организации Камчатки, у истоков которой стоял, в том числе, и Владимир Коянто, я хочу напомнить имена тех, кто своей душой, своим сердцем, своей жизнью создавал бессмертные строки «Хоялхота» и «Эмэмкута», «Струйки» и «Медвежьей пурги», а также попытаться заглянуть в завтрашний день литературы Корякского округа.

«Здесь я пишу, как наши богачи относились к беднякам, живя при царе. Здесь я пишу, как Эвныто заставляли жить при старой жизни богачи. И как потом главой новой жизни избрали его и он начал учиться в Тигиле, чтобы хорошо новую жизнь делать» [1, с. 27–28].

Это строки из предисловия, написанного Кецаем Кеккетыном к своей повести «Эвныто-батрак». Как вышло, что сын бедного неграмотного оленевода в самом начале своего жизненного пути создал то, что сегодня по праву считается бесценным достоянием небольшого коренного народа, живущего на севере Камчатки? Какие силы водили рукой юноши, родившегося в воямпольской тундре, из-под пера которого вышли произведения, ставшие классикой северной литературы?

В 1936 г. издательство «Детгиз» в Ленинграде напечатало первую книгу корякского автора Кецай Кеккетына «Эвныто-батрак». Нужно сказать, что и до этого уже были выпущены книги, написанные юкагирами, эвенками, но именно Кецай оказался первым на Севере кочевником, самостоятельно создавшим крупное художественное произведение на родном языке. Та-

лант самобытного писателя был признан и его соучениками по Институту народов Севера, в котором учился Кеккетын, и его педагогами, в том числе и С. Н. Стебниским, который курировал создание и развитие письменности и литературы малочисленных народов северо-востока России. Как отмечают исследователи, *«в корякский текст он сумел включить почти всю оленеводческую и охотничью лексику чавчуменов. Кроме того, молодой автор подробно отразил быт оленеводов, описав их жилища и длительные кочевья по тигильской тундре»* [6, с. 6–7].

Нужно отметить, что на протяжении нескольких десятилетий к Кецаю Кеккетыну относились по-разному. После того, как был репрессирован его отец, имя писателя старались не упоминать вовсе, позже представляли его творчество лишь как зеркало, в котором ярко отражалась классовая борьба бедняков с богачами-мироедами. Лишь в последние годы были предприняты попытки дать объективную оценку повестям и рассказам корякского литератора литературоведами В. Огрызко, И. Гобзевым, М. Лаврентьевым. Фундаментальный труд «Повести Кецай Кеккетына: Тексты. Переводы. Комментарии» был выпущен к 100-летию Кецай коллективом исследователей во главе с Т. Голованевой. Земляки Кеккетына посвятили ему немало статей и воспоминаний, среди них Мирон Мейнувье, брат писателя, филолог Е. И. Дедык, журналист Г. Уркачан. Пронизанные любовью строки посвящал Кецаю Кеккетыну классик корякской литературы Владимир Косыгин (Коянто).

Жизненный путь нашего земляка оборвался в самом начале 40-х гг. прошлого века. Но духовное наследство Кецай живет, как живет память о нем, как живут его книги, его слова: *«Тогда пусть весь народ хорошо живет!»*

Совсем недавно мы отмечали столетие Ивана Баранникова, современника Кецай Кеккетына. Как можно отметить столетие писателя, создавшего всего несколько небольших рассказов, объединенных общей темой, да успешного перевести на родной язык актуальные для современников рассказы и повести? Не получится у нас издать красочный многотомник с гордым профилем автора на авантитуле, потому что и портретов Ивана Баранникова попросту нет.

Сын бедного оленевода из карагинской тундры, наверное, и не задумывался о том, как увековечить свое имя в анналах истории родного края. Он просто рос в бедной юрте, помогал

отцу, батрачившему на оленеводов побогаче, и радовался, когда его семье удалось обзавестись собственным небольшим стадом. Советская власть в корне изменила судьбу маленького корякского мальчика из Апуки. В 1931 г., когда ему исполнилось десять лет, Ваня пошел в первый класс Кичигинской школы. В 1939 г. Ивана приняли в комсомольцы и отправили на другой конец страны, в далекий Ленинград, учиться в Институте народов Севера. К этому времени институт уже закончили те, кого мы зовем сегодня первыми корякскими писателями – Кецай Кеккетын и Лев Жуков. Их наставником был Сергей Николаевич Стебницкий, который разглядел в робких узкоглазых юношах настоящий талант, подаривший миру корякскую литературу. Он бережно пестовал уроженцев камчатской земли, понимая, что за каждым из них стоит многовековая народная культура.

К 1940 г. «Сказки об Эмэмкуте», написанные молодым коряком, были изданы отдельной книгой и сразу же получили заслуженную оценку знатоков северной литературы. В отличие от Кецай Кеккетына, описывавшего с помощью своих произведений реальную жизнь коренных народов севера Камчатки, и Льва Жукова, сделавшего центральным героем своих повествований пусть и сказочного героя, но человека, богатыря Нотаймэ, Баранников в рассказах об Эмэмкуте и Куйкиняку оказался ближе всего к первоисточнику корякского фольклора – сказаниям о Вороне, прародителе всего сущего.

В 1941 г. Иван Гаврилович Баранников, отметивший свое 20-летие, вместе с другими студентами-северянами был призван на фронт. С войны он не вернулся.

В биографическом справочнике писателей народов Севера и Дальнего Востока «Лица и лики» Вячеслава Огрызко очерк, посвященный Льву Жукову, заканчивается упреком: *«Меня удивляет, почему до сих пор молчат исследователи из числа коряков. Неужели нынешним носителям корякского языка нечего сказать о прозе Жукова?»* [4, с. 321]. И действительно, несмотря на то, что сведений о жизни Льва Жукова до обидного мало, его повесть «Нотаймэ» о былинном богатыре разобрана до мельчайшей основы Сергеем Стебниским, Аллой Пошатаевой, тем же Огрызко, но практически не упоминается в работах его земляков.

Родившийся в 1915 г. неподалеку от Паланы, Лев Жуков тоже прошел школу Стебницкого в Ленинграде. Тяжело заболев, он вернулся домой. Причина смерти не указывается нигде,

но год кончины совсем еще молодого человека – 1937-й, подсказывает, что она была трагической. В отличие от своих земляков-современников, Лев категорически не приемлет ничего, что было бы связано с духовным миром северян. Как истинный комсомолец, он делает героем своего произведения человека, сумевшего победить обстоятельства без помощи потустороннего мира. Однако Жуков все равно остается верен традициям, облекая свой рассказ в мифическую форму.

Почти два десятка лет после этого молчала Корякия – война, тяжелое восстановление, пока не забил на севере Камчатки родник талантов: Поротов, Коянто, Килпалин, Лукашкина, Яганов, Лахтой.

В марте 1949 г. Камчатский облисполком принял решение об организации комплексных передвижных красных яранг в Чукотском и Корякском национальных округах. Деятельность этих передвижных клубов для обслуживания оленеводов была разнообразной: здесь демонстрировали кинофильмы и оказывали медицинскую помощь, занимались ликвидацией неграмотности, вели пропаганду передового опыта. В числе первых «краснояранговцев» был и Алексей Лахтой. К сожалению, об этом человеке, рано ушедшем из жизни, осталось очень мало информации. Но как интересно и тепло пишут о нем Георгий Поротов и Владимир Косыгин (Коянто) в своей книге «Дарю тебе песню!» «Алексей вырос в тундре, исходил ее из края в край. У Алексея есть дед. Он уже старший, очень старший. И вот внук везет ему подарок – паренский нож и копье... Лахтой запел песню деда. Она, эта песня, нам знакома. Как-то в отрогах Срединного хребта Оккеля взял бубен и сделал по нему первые, частые удары. Люди насторожились, а потом... потом они вместе с его песней кочевали по тундре.

Таков Алексей Лахтой – Оккеля – человек из сказки, танцор и певец корякской тундры, сын оленевода... Нам очень памятен тот день на Всероссийском смотре художественной самодеятельности в 1965 г., когда Алексею за мастерское исполнение сказок было присвоено звание лауреата. Тундра оживала в его пантомиме, голосе, песне. Он читал сказки на родном языке, и все понимали их без перевода.

Оккеля много лет работал в тундре. Он – заведующий ярангой. Затем – инструктор райкома комсомола. С песней, сказками и плясками, с интересными беседами он ездит на собачках, летает на вертолете по стойбищам своих зем-

ляков. Люди Алнея зовут Алексея братом, в стране Кутхи Оккелю называют родником. Коряки говорят ласково – Мучгин Оккеля» [12, с. 7–9].

А вот воспоминания Владимира Коянто о поэте Иннокентии Яганове, уроженце села Лесной: «1957 год. Первый Камчатский фестиваль самодеятельного искусства. На театральной площади города Петропавловска выступает первый поэт Корякии Иннокентий Яганов. Свои стихи он умел читать по-особому, по-ягановски: с акцентом, озорно, четко. Ему аплодировали, его просили читать еще и еще. И он читал. Читал "Цветок", "Моя работа", "Охота на лисицу", "Птичка"» [8, с. 62]. Иннокентий Гаврилович успел стать членом Камчатского литературного объединения, предтечи Союза писателей, успел поразить своих земляков легким и душевным поэтическим талантом, но не успел просто прожить хорошую и честную жизнь, погибнув на охоте.

Земля корякская подарила миру немало уникальных людей, таланта которых хватило бы на нескольких человек. К ним принадлежал и Кирилл Килпалин. Ему посвящены строки Георгия Поротова и Владимира Косыгина, Валерия Кравченко и Артура Белашова. Писатель, художник, поэт, да-да, поэт, ибо кто еще может так воспеть свою родину, несмотря на все тяжкие испытания, посылаемые судьбой. Ни Владивосток, ни Палана не сманили его благоустроенностью и почестями. Родное Хаилино, Тополевка – вот истинное «место силы» корякского уникама. И опять я возвращаюсь к мысли, что фольклор – неисчерпаемый кладезь и вдохновитель творчества наших земляков. Сказки, картины Килпалина – как русские лубки и одновременно – полотна Рериха, красочные и немного наивные, затягивающие в мир, до сих пор сохранившийся в верованиях нашего народа.

Юрий Алотов давно знаком читателям и ценителям камчатской литературы. Ему повезло родиться в семье, где чтиты обычаи и соблюдали традиционный уклад жизни. Ему повезло, что поэтический дар его заметили и оценили довольно рано. У него было много хороших и опытных наставников – Владимир Коянто, по-отечески критичный и равнодушный, Евгений Коптев, Алексей Власов, Анатолий Долгов, на протяжении нескольких лет занимавшийся воспитанием молодой писательской поросли Корякии. Повезло, что первые шаги на пути творчества он делал в то время, когда писатель и поэт еще мог рассчитывать не только на свои силы –

в конце 1980 – начале 1990-х гг. Юрий Алотов стал участником и лауреатом нескольких конкурсов самодеятельного творчества, писательских семинаров. При поддержке различных организаций были выпущены книги «Слеги чавчувена» и «Жертвы вождя», молодой писатель смог побывать за рубежом, покорив небалованных северной экзотикой жителей Германии своей экспрессией и демонстративной приверженностью традициям маленького камчатского народа.

Критиков завораживает экзотичность его творчества – обращение писателя к духам, описание древних обрядов, своеобразное толкование легенды о происхождении названия родной реки Воямполки, и мастерское владение поэтической техникой, когда писатель играючи переходит с традиционного ямба на свободный стих, ставящий во главу угла выразительность эмоциональных выражений. В сравнении с классиками камчатской литературы Г. Поротовым и В. Коянто, Алотов более метафоричен, он менее привязан к сегодняшнему дню, к литературным канонам. Его заслуга и в том, что он активно использует язык аборигенов – корякский, эвенский, апеллируя к зову крови камчадалов, тем самым обогащая полотно северной культуры новыми красками.

При всем этом он остается человеком, творящим и мечтающим, до сих пор мечущимся между своим призванием поэта и поисками простого счастья.

Хочется рассказать обо всех: и о Славе Анхаки, подарившем нам гимн оленеводу и простой кедровой веточке; о Татьяне Уркачан, ставшей символом непокорности духа и буквального следования традициям предков; о Екатерине Дедык, посвятившей жизнь просвещению родного народа; об Анне Петровне Нестеровой, настоящем кладезе истории и языка коряков. Но для этого нужно, наверное, несколько дней, а может быть, и месяцев.

А сегодня я вновь и вновь листаю страницы книг Владимира Коянто и не устаю открывать его как писателя, как человека. Казалось бы, прожили рядом больше тридцати лет, вместе переживали все невзгоды и радости, я считала и по-прежнему считаю его вторым отцом, но как же много душевных сил скрывалось в этом человеке, который ежечасно, ежеминутно думал, сочинял, узнавал, любовался, ходил, писал. «Никогда не предамся я лени...». Так привычно было видеть его сосредоточенно слушающим новости, или читающим одну из многочислен-

ных книг огромной домашней библиотеки, или сидящим за рабочим столом за пишущей машинкой, а позже – за компьютером. И вместе с тем этот же человек с воодушевлением лепил рыбные пельмени на маленькой кухне, с нетерпением ждал восхода солнца, чтобы «убежать» в любимую тундру, придирчиво выбирал рубашку для выхода из дома, и радостно отплясывал с внуками под модные мотивы. Что же было главным в его жизни? Трудно выделить что-то одно, но я попытаюсь – это ЛЮБОВЬ во всей многогранности ее проявлений. В первую очередь, любовь к Корякии, горячая, рвущая сердце, толкавшая его на баталии с теми, кто во всем искал выгоду, позволившая ему стать первым, действительно народным, депутатом Верховного Совета СССР. Любовь к родным, которая поддерживала их, и одновременно была самым строгим мерилom поступков; любовь к красоте, выражавшейся для Коянто в изгибе березовой ветки или улыбке проходящей мимо женщины; наконец, любовь к себе, которая вытаскивала его из самых страшных и непростых ситуаций, позволяя верить, что уж он-то ни за что не сломается и не сдастся. И не ломался, и стоял до последнего. Уже начинавший болеть, он писал и строил планы, бесконечно разговаривал с теми, кого причислял к «своему кругу», обсуждая проблемы родного округа, резко обнажившиеся в начале нового века.

«Такая теперь жизнь, такая теперь наша Родина. И вот я сам себя спрашиваю: “Правильным ли путем ты шел все эти годы, Коянто?”» [6, с. 182]. Ты шел правильным путем. Как жаль, что все меньше остается тех, кто шел и продолжает идти дорогой, обозначенной твоим творчеством, твоей душой. Но они есть, идущие верной дорогой. И среди них – твой внук, Кирилл, до сих пор сомневающийся, вправе ли он носить твою фамилию. Сегодня он – не только автор десятков сказок и легенд, участник первой на Камчатке литературной резиденции, лауреат литературного конкурса имени Рытхэу, писатель, выпустивший первую книгу. Он вместе с такими же энтузиастами возрождает родной язык, культуру, пытается органично вплести их в пеструю канву современного мультимедийного мира.

Чем живет сегодня литература Корякии? Конкурсами произведений на родном языке и редкими, можно даже сказать, редчайшими, публикациями в газете «Корякия», которая сменила курс и стала дайджестом общественно-политических новостей. В округе нет своих

издательств, нет авторитетных и грамотных критиков, способных, как когда-то Анатолий Долгов, работать над первыми строками начинающих авторов. Однодневные семинары, проводимые в рамках фестиваля «Золотые родники», не способны стать полноценной заменой

хорошей и крепкой учебы. Перевелись Стебницкие...

Наша литература живет надеждой, что совсем скоро чья-то рука выведет на бумаге или на экране компьютера строки: «Родниковой воды напьюсь...».

1. Повести Кеца Кеккетина: тексты, переводы, комментарии / сост., предисл., коммент.: [С. Н. Стебницкий и др.]. Новосибирск : Академиздат, 2018. 476 с. Текст парал. коряк., рус.
2. Корякский округ: даты, события, факты : справ. изд. / сост.: Т. М. Хелол, В. Т. Броневиц, В. А. Мышляев. Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2018. 336 с.
3. Духовный мир Севера : биограф. справ. / сост.: О. Н. Хамидулина, Р. И. Соломин, И. Н. Точилина [и др.]. Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2014. 256 с.
4. Огрызко В. Литература малочисленных народов Севера и Дальнего Востока: лица и лики. М. : Лит. Россия, 2013. 568 с.
5. Кеккетин К. Эвныто-пастух : повести на коряк. и рус. яз. Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2010. 208 с.
6. Корякская литература : материалы и исследования / сост. В. Огрызко. М. : Лит. Россия, 2008. 336 с.
7. Коянто В. Олени бежали к морю : стихотворения и поэмы, рассказы, главы из романа «Родной ветер», дневники, эссе. Петропавловск-Камчатский : Новая кн., 2008. 319 с.
8. Он же. Лесновское Ололо // Сохранение и возрождение традиционных обрядовых праздников у береговых коряков (нымыланов) : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2004. С. 48–93.
9. Народов малых не бывает / сост. Э. С. Коробова. М. : Молодая гвардия, 1991. 206 с.
10. Кузаков К. Г. Маршрутом счастья. Петропавловск-Камчатский : Дальневост. кн. изд-во, Камч. отделение, 1980. 136 с.
11. Комановский Б. Л. Пути развития литератур народов Крайнего Севера и Дальнего Востока СССР. Магадан : Магад. кн. изд-во, 1977. 198 с.
12. Поротов Г. Г., Косыгин В. В. Дарю тебе песню. Петропавловск-Камчатский : Дальневост. кн. изд-во, 1970. 88 с.
13. Сергеев М. А. Корякский национальный округ : монография. Л. : Изд-во Ин-та народов Севера, 1934. 142 с.